

Многим людям нравился Цуй Буцуй, но также было много людей, которые его ненавидели.

Хотя бюро Цзоюэ не было слишком известным, авторитет, которым они обладали, был огромен, поскольку за ними стояла Императрица Дугу. Людей, побывавших в их руках, было неисчислимое множество, а тех, кто проклинал их за спиной, и того больше. Подобные вещи никогда не волновали стальное сердце Цуй Буцую. Так что и теперь, когда Фэн Сяо похвалил его, он не поспешил этому радоваться.

— Командующий Фэн, всякий раз, когда ты хвалишь меня, мне приходит на ум одно высказывание.

Фэн Сяо:

— Только Цао Цао и Лю Бэй могут считаться героями мира?*

ПП: Цао Цао и Лю Бэй оба являются полководцами. На поле боя они бывали то союзниками, то противниками. Это фраза означает, что Цао Цао, произнесший их, признает Лю Бэя равным себе по способностям. Лю Бэй же принял это не только как похвалу, но и угрозу, поскольку раз он так силен, Цао Цао попытается убить его как можно скорее. Лю Бэй, услышав эту фразу, незамедлительно покинул Цао Цао.

В этом контексте (личное мнение), чтобы помочь пониманию читателей, я думаю, что Фэн Сяо пытается сказать, что он считает себя Лю Бэем, а Цуй Буцую - Цао Цао. Иначе говоря, они оба - единственные, кого считают достойными.

Цуй Буцуй:

— Ласка наносит новогодний визит курице*.

ПП: Ласка, наносит новогодний визит курице — поговорка, означающая, что кто-то поступает на вид хорошо, но имеет дурные намерения. Ласка - прирожденный хищник, часто нападающий на куриц, поэтому, когда говорят, что она намеревается нанести новогодний визит курице, это скорее всего делается для того, чтобы ее съесть. В данном случае Цуй Буцуй имеет в виду, что он не ожидает ничего хорошего от похвалы, высказанной Фэн Сяо.

Фэн Сяо рассмеялся:

— Ха-ха! Так я ласка, а ты курица? Но почему мне кажется, что даос Цуй не из тех куриц, что позволили бы людям ощипать себя заживо, ничего не предпринимая при этом?

Больше похож на старую, хитрую, расчетливую лису, которая никогда не позволит другим поступать по-своему.

Цуй Буцуй:

— Правда? Судя по тому, что я вижу, командующий Фэн в самом деле похож на ласку.

Красивая ласка, которая ведет себя напыщенно, куда бы ни направлялась.

Поведение Фэн Сяо было не таким уж ужасным. Несмотря на то, что он препирался с Цуй Буцуюм практически каждый день, они никогда по-настоящему не злились друг на друга. Он наклонил к нему свое красивое лицо и проговорил с чрезвычайной фамильярностью:

— Мы разбирались с делом убийства посла Хотана в Люгуне, а здесь мы имели дело с Син Мао и Дуань Цигу. Даже если это не означает совместный путь по жизни, все равно можно считать, что мы проходим через трудности вместе. Нужно ли все еще быть таким настороженным, холодным и отстраненным со мной? Болин Цуй действительно твой дом?

Цуй Буцуй взял кисть и бумагу и начал что-то писать. Он даже не поднял головы, когда сказал:

— Ну и что с того, если это так? И что с того, если это не так?

— Посмотри, как ты себя ведешь, — сказал Фэн Сяо. — Даже если это твой дом, уверен, ты уже отрекся от него. Иначе зачем бы ты стал говорить, что у тебя ни отца, ни матери, ни имени, ни титулов?

Цуй Буцуй опустил кисточку и приподнял бровь, слегка улыбаясь:

— Кажется, вчера, когда я разговаривал с Сяо Лу, ты спрятался где-то, чтобы подслушивать нас. Разве ты не великий командующий Фэн из бюро Цзецзянь? Где твоя гордость?

Фэн Сяо скривил губы:

— Не было ни единого момента, когда бы даос Цуй не думал о том, как обдурить всеми возможными способами. Если бы не моя осторожность, боюсь, рано или поздно на мне не осталось бы даже штанов.

Он склонил голову, чтобы посмотреть, что написал Цуй Буцуй. Это оказались слова из письма, найденного на трупе Дуань Цигу.

Фэн Сяо кивнул:

— Ни слова не пропущено.

— Где это письмо?

— Выброшено.

Цуй Буцуй холодно посмотрел на него.

Фэн Сяо со вздохом распрямился:

— Оно было запятнано кровью мертвеца, тебя не смущает такая грязь?

Цуй Буцуй вздохнул.

Он понимал, что в совместной работе с Фэн Сяо есть очевидное преимущество, потому что, когда два умных человека собираются вместе, нет необходимости много объяснять другому. Они могли естественно понимать друг друга, не обмениваясь слишком большим количеством слов. Кроме того, боевые искусства Фэн Сяо не имели себе равных, и даже лучший тюркский мастер был не в состоянии победить его. Однако в работе с ним были и недостатки: Фэн Сяо не являлся его подчиненным, поэтому не стал бы слушаться любого его приказа. Кроме того, бюро Цзецзянь не ниже бюро Цзоюэ, и с характером Фэн Сяо, даже будь его противником Небесный правитель, он не испугался бы, не говоря уже о бюро Цзоюэ. Фэн Сяо был импульсивным, и иногда был не прочь вырыть другому яму. Помимо выполнения надлежащей работы, Цуй Буцуй также вынужден был тратить время на периодическую борьбу с Фэн Сяо, чтобы не попасть в ловушку другого. Обладая лишь только одним мозгом, которому приходилось работать над двумя подобными задачами, неудивительно, что хрипы, не беспокоившие его более двух лет, теперь возобновились.

Фэн Сяо улыбнулся:

— Не вздыхай так. Если Цяо Сянь услышит, подумает, что я снова издеваюсь над тобой. Я прочитал это письмо и убедился, что в нем нет ничего особенного, а даже если и есть, это может быть только загадка в самом письме. Ранее ты вроде говорил, что у тебя есть кое-какие зацепки? Расскажи мне о них.

— Командующий Фэн — умный человек, я уверен, ты и сам можешь обо всем догадаться.

— Как насчет такого? — сказал Фэн Сяо. — Давай оба напишем наши догадки на листах бумаги и обменяемся ими. Это будет справедливо, не так ли?

— Договорились.

Оба взяли по листу бумаги и кисточке.

Через некоторое время они передали друг другу свои листки.

Цуй Буцью:

— Первое предложение: «Иду взглянуть на безграничный океан с каменистого холма на восточном берегу». На мой взгляд, указывает на местоположение.

Фэн Сяо:

— Когда Цао Цао писал это стихотворение, он находился в местечке под названием Цзеши в Бэйпин Цзюне. Однако, если бы это было так легко угадать, то любой без труда мог бы расшифровать это стихотворение, так что я предполагаю, что на самом деле это другое место: если взять первый и последний символы предложения, получится Дунхай Цзюнь.

Цуй Буцью кивнул:

— Это письмо от первого до последнего слова зашифровано, поэтому я уверен, что оно связано с тринадцатью павильонами Юньхай. Это чрезвычайно секретная организация, они даже отказываются раскрывать друг другу свои личности. Хотя подобная скрытность полезна, но в долгосрочной перспективе можно очень легко попасть под подозрение. Возьмем, к примеру, Дуань Цигу, если бы он знал, кем были другие участники, кроме Юй Хэна и Фэн Сяолянь, он мог бы пойти на риск. Однако, имея дело только с женщиной и монахом, он не мог избавиться от подозрений, и потому не решился поставить на кон все свое богатство и славу ради этой организации и безоговорочно довериться им.

— Верно. Основатель тринадцати павильонов Юньхай, скорее всего, тоже додумался до этого, поэтому они определенно нашли бы подходящее время, чтобы собрать всех вместе и успокоить подозрения у таких людей, как Дуань Цигу. Жаль, что он не дожил до этого момента.

Цуй Буцуй:

— Третья строка — стихотворение господина Се: «Не успел я исполниться презрением к минувшим дням, как лето молодости прошло. Увядший урожай заставляет меня плакать, волосы на висках становятся старыми и седыми». Это стихотворение, которое он написал, когда его понизили в должности в отдаленном районе Юнцзя.

Фэн Сяо приподнял бровь:

— Из этого многое может получиться: Юнцзя, Наньтин, даже могила Се Линъюня — все они могут быть ответами.

— Ни один из них. Ответ — Чжу Мин, — сказал Цуй Буцуй.

— Почему?

Цуй Буцуй слабо улыбнулся:

— Потому что следующее предложение: «Ясен и неглубок Млечный путь». Это ханьское стихотворение из сборника «Чжаомин Тайцзы»: «Далеко созвездие Ньюлана, и сияет река девы-ткачихи. Гибкие пальцы ткнут белоснежную ткань. Ее сердце, тоскующее по нему, улетает вдаль. Млечный путь кажется ясным и неглубоким, но сколь же они одиноки, разделенные им. Между ними лежит всего лишь серебристая река, но нельзя обменяться словами любви». Теперь посмотрим на предыдущее предложение: «Не успел я исполниться презрением к юным дням, как лето молодости прошло». Лето называется Чжу Мин, осень называется Цзинь Су. Соединение обоих этих предложений примерно соответствует седьмому дню седьмого лунного месяца, когда встречаются Ньюлан и Чжинюй.

ПП: Из стихотворения о пастухе и ткачихе, разделенных богами и имевшим возможность встречаться лишь один раз в год, седьмого июля. Стихотворение помогает определить дату.

Ежедневные взаимодействия между Фэн Сяо и Цуй Буцюем изобиловали насмешками и сарказмом, редко случалось, что у них завязывался такой вот разговор, без насмешливого тона, напротив, это была мирная беседа, из тех, что вызывают улыбку и согревают сердце. На мгновение Фэн Сяо даже смог увидеть улыбку в уголках глаз собеседника. Он внезапно осознал, что Цуй Буцюй довольно красив, и пусть по его лицу было видно, что он часто болеет, однако его брови были четко очерченными и заостренными, а глаза от природы сияли. Искры летели из них, когда он смотрел на кого-то, но, в сочетании с холодным лицом казалось, что эти глаза берут на прицел очередную жертву. А когда он улыбался, это было похоже на весенний горный пейзаж и распускающуюся цветущую сакуру одновременно. Едва ли Бин Сюань это не привлекало.

Фэн Сяо улыбнулся:

— Даос Цуй, тебе действительно следует чаще улыбаться. Возможно, я бы даже так смягчился, что не смог бы ссориться с тобой?

— Тогда я предпочел бы, чтобы ты продолжал ссориться со мной. Если командующий Фэн начнет слушать все, что я говорю, и подчиняться каждому моему приказу, я поневоле начну испытывать подозрения относительно твоих мотивов.

— Вот так, ты просто взял и выбросил мою доброту псу под хвост! — вздохнул Фэн Сяо.

Цуй Буцюю было слишком лень продолжать возиться с ним, поэтому он нетерпеливо отрезал:

— Перестань нести чушь. Так, что ты думаешь?

Хотя внешне он неплох, но почему у него такой ужасный характер? Так легко выходит из себя из-за пустяка. Неудивительно, что он родился болезненным. Даже если кто-то и влюбится в этого болезненного человека, самое большее через три дня, он определенно прогонит его.

Фэн Сяо пожурил его в душе, но ради сохранения своего лица сохранил мягкое и доброе выражение.

— Я полностью согласен с твоим предположением.

Цуй Буцюй нахмурился:

— Тебе нечего добавить?

— У нас есть время, но есть еще что сказать о месте. Я думаю, что вторая строка: «Но, если, увы! Судьба мне велит умереть, дух мой навечно останется жить вместе с тобою» может быть связана с местоположением. Действительно ли это находится в районе Дунхай Цзюнь, возможно, мы смогли бы найти ответ в этом предложении. Однако прямо сейчас мы ничего больше не имеем.

Цуй Буцюй опустил голову в глубокой задумчивости, его брови сошлись:

— С таким сложным и зашифрованным текстом, как этот, даже если Дуань Цигу сломал бы себе голову, размышляя над ним, он не смог бы найти ответ. В тринадцати павильонах Юньхай должен быть ключ для расшифровки чего-то подобного. Жаль, что у нас больше нет подобных текстов, иначе я мог бы расшифровать его.

Разница между Фэн Сяо и Цуй Буцюем заключалась в том, что Цуй Буцюй любил решать загадки, но Фэн Сяо никогда бы не стал утруждать себя подобным. Если он сталкивался с чем-то, что не мог решить, он до поры откладывал это в сторону, полагая, что со временем все равно получит нужный ему ответ. Где бы ни находились тринадцать павильонов Юньхай, они бы не скрылись от него, и, в конце концов, сами раскрыли бы свои тайны.

Заметив, что Цуй Буцюй глубоко задумался, он быстро сказал:

— Пойду-ка я немного прогуляюсь.

Цуй Буцюй даже не ответил ему, полностью погрузившись в себя.

Выйдя на улицу, Фэн Сяо столкнулся с Цзинь Лянь.

Что касается этой младшей Кедун Апа-хана, то с тех пор, как они прибыли в Цемо, она тихо пряталась. Изначально она не была человеком с покладистым характером, но она знает, что Фэн Сяо и Цуй Буцюй были невероятно заняты и если что-то бы с ней случилось, могли бы не успеть прийти ей на помощь, поэтому, чтобы избежать нападения Фо Эра, она ни разу не ступила за порог своей комнаты в течение этого месяца. Лишь ее служанки из Люгуна иногда выходили и приносили ей новости.

С другой стороны, у нее также было намерение понаблюдать за происходящим. Ей хотелось посмотреть, до каких пределов могут дойти способности Цуй Буцюя и Фэн Сяо.

Теперь она убедилась, что эти два человека могут перевернуть Небеса, когда они в одно мгновение опрокинули два столпа, на которых держался Цемо: один был мертв, а другой

отстранен от власти — в конце концов, Син Мао был немного умнее Дуань Цигу. Как только он увидел, что его правлению пришел конец, он быстро отказался от всех своих привилегий и молил лишь о безопасности для своей семьи. Поскольку, по слухам, Император Суй был довольно щедр, Син Мао пожаловали титул хоу* Шаньшань и выделили большое поместье в столице, где он мог мирно жить со своей семьей.

ПП: И снова титул на английский переведен на европейский манер: маркиз. Судя по системе титулов в Китае времен династии Цин, титулу «маркиз» соответствовал титул «хоу».

Цзинь Лянь втайне не могла не радоваться, что ранее решила вступить с ними в союз с ними. Раз уж эти двое своими способностями смогли перевернуть весь Цемо, разумеется, им не потребуется много усилий, чтобы убедить Апа-хана заключить союз с Империей Суй. Таким образом, ее доверие к ним выросло.

— Господин Фэн, надеюсь у вас все благополучно, — Цзинь Лянь любезно поприветствовала Фэн Сяо.

Путешествуя вдали от дома, она выдавала себя за жительницу Центральных равнин, и, хотя ее акцент по-прежнему был резок, она хорошо изучила местную культуру.

С точки зрения Фэн Сяо, Цзинь Лянь была умной женщиной, потому что, в то время как большинство тюрков знали только, как прожигать жизнь, играя в игры, ее мудрость заставила ее сосредоточиться на Центральных равнинах.

Она стремилась к союзу с Империей Суй, чтобы не позволить Шаболуэкэханю поглотить их целиком.

— Госпоже Цзинь что-нибудь нужно? — Фэн Сяо обратился к ней по взятому на время путешествия псевдониму.

— Могу я узнать, как поживает мастер Цуй? Восемь кланов скоро соберутся в горах Санми. Я боюсь, что если мы прибудем на несколько дней позже, то можем опоздать.

— Мы отправляемся в путь завтра.

— Чудесно! После столь долгого отсутствия, я не могу дождаться, когда увижу знакомые родные луга. Если я вернусь вместе с вами обоими, я чувствую, хан будет чрезвычайно счастлив.

После инцидента с Дуань Цигу мнение Цзинь Лянь о них, безусловно, сильно изменилось. Если раньше она вела себя вежливо и отстраненно, то теперь ее отношение стало куда более дружеским и доверительным. Однако Фэн Сяо не собирался ее за это упрекать:

— У нас есть большой подарок для хана, я уверен, что госпожа не будет разочарована этой поездкой.

Цзинь Лянь пыталась понять смысл его слов, как будто за ними скрывался большой подтекст. Попрощавшись с Фэн Сяо, она отправилась собирать свои вещи.

Фэн Сяо немедленно вернулся в комнату, в глубине души решив, что с интеллектом Цуй Буцюя, возможно, тот мог за это время уже расшифровать тайну, стоящую за стихотворением. Итак, Фэн Сяо в настоящее время думал, как бы ему перехитрить другого и заставить поделиться с ним разгадкой, но кто мог подумать, что, когда он войдет, он увидит этого человека крепко спящим.

В то время, когда Фэн Сяо еще не выяснил личность Цуй Буцюя и отравил его Найхэ, он уже сделал вывод о его состоянии, когда проверил его пульс. Тот был невероятно слаб. Не нужно было советоваться с известными лекарями, даже Фэн Сяо мог сказать, что у этого человека, скорее всего, будет короткая продолжительность жизни.

За последние дни, даже если не учитывать то время, которое Цуй Буцюй проводил, сжигая свой мозг изобретением всевозможных стратегий, он столкнулся с трудностями в потайном подземном туннеле. Его тело изначально было слабым, а он бросился решать задачу сразу после того, как пришел в себя. Было бы удивительно, если бы из-за этого он снова не отключился.

Солнечный свет за окном был прекрасен.

Несколько теплых лучей падали на лицо Цуй Буцюя, образуя сверкающую радугу.

Фэн Сяо засмотрелся, и не смог удержаться от того, чтобы приблизиться к нему.

Длинные пальцы накрыли лицо спящего, и, не помедлив ни секунды, зажали Цуй Буцюю нос.

На этот раз Цуй Буцюй спал невероятно крепко, даже этому действию не удалось его разбудить. Однако ему стало трудно дышать, и посреди сна его брови нахмурились, а губы приоткрылись, чтобы вдохнуть.

«Хех, — Фэн Сяо расплылся в озорной улыбке, другой рукой прикрывая рот Цуй Буцюя. — Посмотрим, как ты теперь сможешь дышать».

— Что тут происходит?! — от двери донесся сердитый голос Цяо Сянь.

Ах, его обнаружили так быстро. Фэн Сяо печально вздохнул и убрал руки.

Цуй Буцюя не разбудили дурачества Фэн Сяо, но его определенно не мог не разбудить крик Цяо Сянь.

Он потер глаза и сел. Половину его лица занимал покрасневший след от руки Фэн Сяо. На полминуты он утратил властную ауру главнокомандующего бюро Цзоюэ.

Хотя этот человек не владел боевыми искусствами, он знал бесчисленные смертельные и непобедимые стратегии. К тому же, обладая умным и проницательным сердцем, он мог одержать верх, куда бы ни пошел. Два присутствовавших здесь человека не посмели бы принижать его, поскольку знали об этом факте, но, глядя на него прямо сейчас, в своих сердцах они не могли удержаться от смеха.

Фэн Сяо бросил на него косой взгляд. Цяо Сянь тут же выскочила вперед и встала между ним и Цуй Буцюем, как наседка, защищающая своего цыпленка, словно Фэн Сяо был каким-то людоедом.

«Эта Цяо все немного усложняет. Может мне поискать возможность избавиться от нее?» — про себя подумал Фэн Сяо.

Но, в конце концов, он просто взмахнул веером и улыбнулся, размышляя над этим.

<http://bllate.org/book/13926/1227045>